

т.к. почти все группы, относимые, согласно классификации Г. Скотта и К. Тернера [Ibid], к южносибирским, являются промежуточными между восточноазиатскими и европейскими. Так, двухкорневые нижние постоянные клыки у европейцев имеют частоту встречаемости в среднем немного более 5%. Они чрезвычайно редки у народов Восточной Азии, Австралии, Океании и Америки. В южносибирских группах этот показатель 2 – 4% [Ibid, p. 229]. Т.А. Чикишева [2000, с. 142, 145] также рассматривает южносибирские группы в качестве промежуточных между европейскими (европеоидными) и восточноазиатскими (монголоидными). Она полагает, что метисация произошла не позже, чем на рубеже неолита и энеолита.

К сожалению, материалы из пещеры Еленева не дают практически никакой информации по поводу того, произошло ли смешение относительно недавно или же в плейстоцене. И все-таки можно предположить, что в эпоху формирования слоя 10 (около 6 тыс. л.н.) обитатели пещеры в одонтологическом отношении были сходны как с европейскими, так и с восточноазиатскими популяциями.

Что же касается оценки родственных связей по остеологическим признакам, то следует отметить сохранившийся кусочек носовой кости на одном фрагменте черепа взрослого (A-51), которая не обнаруживает ни малейшей уплощенности, в отличие от носовых костей большинства восточных азиатов.

Заключение

Антропологический материал из пещеры Еленева был проанализирован с целью выявления разных типов перимортальных повреждений. При анализе использовались шесть ключевых критериев для определения каннибализма по тафономическим показателям. Некоторые свидетельства этой практики были получены по всем шести ключевым критериям, в частности, на материалах из смежных слоев 9А и 10. Одна-

ко сильные повреждения, причиненные хищниками (на 73,8% фрагментах костей отмечены царапины и вмятины от зубов, а также значительная заполированность), могли создать картину, очень похожую на ту, которая наблюдается в результате деятельности людей. Поэтому определенные заключения относительно каннибализма на нынешней стадии едва ли возможны.

Данные о родственных связях обитателей пещеры Еленева по морфологическим признакам скелета выглядят более убедительно, хотя не стоит забывать о малочисленности выборки. Складывается впечатление, что, по крайней мере, в тот период, когда формировался слой 10, жители пещеры Еленева, как и другие южносибирские популяции, обнаруживали в одонтологическом отношении сходство как с европейцами, так и с восточными азиатами.

Список литературы

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 131 – 147.

Scott G.R., Turner C.G. II. The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Populations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Turner C.G. II, Nichol C.R., Scott G.R. Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system // Advances in Dental Anthropology / Eds. M.A. Kelley, C.S. Larson. – N.Y.: Wiley-Liss, 1991. – P. 13 – 31.

Turner C.G. II, Turner J.A. Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1999. – 547 p.

Материал поступил в редакцию 12.09.02 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 572

А.Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: alexander.kozintsev@pobox.spbu.ru

ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ: АДАПТАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ (сунгирская проблема на новом этапе изучения)

Дискуссия по проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему затрагивает один из наиболее важных аспектов древней истории человечества. С ним связан вопрос, касающийся не только истории, но и биологии, – о преемственности (или отсутствии таковой) между архаическими и современными гоминидами. Для его изучения исключительно важна недавно появившаяся фундаментальная антропологическая монография о Сунгире [*Homo sungirensis*..., 2000], уже вторая по счету и по объему намного пре-восходящая первую [Сунгирь..., 1984], поскольку она содержит огромное количество данных о биологической адаптации сунгирцев. Не будем придираться к названию “*Homo sungirensis*”, а перейдем сразу к сути дела. Предлагаемая статья – ни в коей мере не рецензия, а лишь попытка продолжить обсуждение вопроса, под которым даже и столь фундаментальное исследование, как мне кажется, не подвело черту.

Напомню прежде всего, что находки на Сунгире имеют прямое отношение к вопросу о связи между средним и верхним палеолитом. Культура памятника, хотя и не относится к ранним этапам верхнего палеолита, отчетливо демонстрирует, подобно другим европейским культурам, которые в отличие от явно пришлой ориньякской культуры сформировались на местной основе, целый ряд среднепалеолитических (мустьерских) черт [Бадер, 1978, с. 219 – 225; Сунгирь..., 1984, с. 8].

В новой монографии, как и в предыдущей, есть археологическая глава [*Homo sungirensis*..., 2000, с. 21 – 27]. В ней говорится о том, что аналоги сунгирской культуре обнаруживаются на памятниках kostenko-стрелецкой (Восточная Европа) и позднеселестской (Центральная Европа) культур, но что именно

отсюда следует, остается неясным. Судя по всему, это не случайно. Интегрировать выводы археологов и антропологов теперь стало практически невозможно и, боюсь, не по вине первых. Дело в том, что новая монография полемична по отношению к предыдущей, несмотря на то, что некоторые авторы участвовали в обоих исследованиях. Если в первой книге представлен целый ряд фактов, позволивших говорить о неандертальском компоненте у сунгирцев, то во второй книге существует мысль об отсутствии такого компонента. Приведу в качестве примера трансформацию взглядов А.А. Зубова. Написанная им для первой монографии глава о зубной системе сунгирцев во второй книге напечатана без изменений, лишь вывод стал звучать по-иному. В первой книге он формулируется так: “Сунгирский материал дает, таким образом, хорошие аргументы в пользу существования преемственности между неандертальским и современным человеком” [Сунгирь..., 1984, с. 178]. Во второй книге читаем: “Сунгирский материал дает, таким образом, хорошие аргументы в пользу существования преемственности между древними гоминидами и современным человеком” [*Homo sungirensis*..., 2000, с. 267]. Вторая мысль при всей ее бесспорности заставляет задуматься о закономерности такого изменения, представляющего собой часть более широкой тенденции.

В последние годы на позиции узкого моноцентризма, отрицающего какую бы то ни было метисацию пришедших в Европу с юга (из Африки или с Ближнего Востока) сапиенсов и местных неандертальцев, перешли некоторые наши и зарубежные моноцентристы, прежде допускавшие возможность метисации. Среди них, напр., Г. Брайер (ср.: [Bräuer, 1990, 2001]).

Основная, если не единственная, причина такого сдвига – появление в 1997 г. данных о мтДНК неандертальцев. Эти материалы, произведшие на антропологов огромное впечатление, свидетельствуют о том, что неандертальцы (после публикации результатов по Виндии число исследованных индивидуумов достигло трех, см.: [Krings et al., 2000]) в генетическом отношении противостоят всем современным человеческим группам вместе взятым. У сунгирских детей, напротив, обнаружен вариант мтДНК, типичный для современных европейцев [*Homo sapiens*..., 2000, с. 351 – 356].

Мне трудно понять причину того поистине революционного эффекта, который произвели на антропологов генетические данные о неандертальцах. Не приходится, конечно, сомневаться в том, что возникновение палеогенетики открыло перед наукой об антропогенезе широчайшие перспективы. Однако, строго говоря, новые факты лишь подтвердили то, в чем моноцентристы не сомневались и прежде.

Еще полвека назад Я.Я. Рогинский с полной наглядностью продемонстрировал, что неандертальцы, как и прочие несапиентные гоминиды, противостоят всему современному человечеству в целом [1949, с. 71, 75]. Разрыв между неандертальцами и современными людьми превосходит межрегиональную изменчивость у последних, причем региональная преемственность между сапиенсами и их предшественниками почти не обнаруживается и в масштабе всей эйкумены. Эти выводы выглядят едва ли менее убедительными от того, что сделаны на материалах крааниологии, а не генетики. Морфологические признаки полимерны (контролируются многими локусами), тогда как по отношению к наследуемости мтДНК вследствие отсутствия рекомбинации ситуация в сущности такова, как если бы речь шла об одном единственном локусе, впрочем, высокополиморфном. К тому же, неандертальских черепов, конечно, не три (таков размер генетической выборки), а гораздо больше.

Говорить о решающем воздействии среды на строение черепа в данном случае не приходится. Старая идея полицентристов, объясняющая крааниологические особенности неандертальцев трудовой деятельностью, в частности, использованием челюстей в качестве тисков, настолько наивна, что заставляет удивляться ее живучести в американской антропологии наперекор здравому смыслу. Сегодня полицентризм в его традиционном понимании практически мертв. Утверждать, что неандертальцы были прямыми и единственными предками современных европейцев, стало совершенно невозможно. После обнаружения останков “классического” неандертальца в весьма позднем (верхнепалеолитическом) слое Сен-Сезера настаивать на этом продолжал, кажется, только Л. Брэйс.

Однако, по мнению Я.Я. Рогинского, который назвал защищаемую им концепцию “широким моноцентризмом”, было бы полной ошибкой полагать, будто сапиенсы, расселившись из одного центра, истребили всех своих предшественников и не смешались с ними. Одним из главных доказательств происходившей метисации служит то, что из всех современных групп от неандертальцев наименее удалены жители Европы [Рогинский, 1949, с. 75, 93 – 94]. Маловероятно, что это случайность или, что еще менее вероятно, результат влияния среды. Правда, и в Европе наблюдается не преемственность, а разрыв. Но в данном регионе разрыв несколько менее широк, чем на других континентах. Этот факт, игнорируемый узкими моноцентристами, был позже подтвержден американскими крааниологами [Brace, Tracer, 1992].

Что же касается результатов анализа мтДНК, то вопреки широко распространвшемуся в последние годы мнению они вовсе не свидетельствуют о принадлежности неандертальцев и сапиенсов к разным биологическим видам. Генетических различий между этими двумя группами меньше, чем между подвидами шимпанзе [Krings et al., 1999]. Нет никаких генетических свидетельств того, что сапиенсы были отделены от неандертальцев непреодолимым репродуктивным барьером. Даже если бы они принадлежали к разным видам, то и тогда, как известно, была бы возможность образования гибридных популяций. Такая ситуация зафиксирована, например, в зоне контактов гамадрилов и анубисов в Эфиопии [Симмонс, 1997]. Возможность метисации между неандертальцами и сапиенсами признается и генетиками [Krings et al., 2000; Relethford, 2001].

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, – так о том, что неандертальские варианты мтДНК были утеряны в процессе эволюции. Причинами этого могли быть, кроме исчезновения самих неандертальцев, чрезвычайно высокий темп мутаций (гораздо выше, чем в ядерной ДНК), отсутствие рекомбинации, а также малые размеры групп, способствующие генному дрейфу (вдобавок эффективный размер группы в случае мтДНК намного меньше, чем для систем, контролируемых ядерной ДНК).

Существует, наконец, еще один фактор, который мог ускорить данный процесс. Речь идет об отборе. Это не значит, что неандертальские гаплотипы сами по себе могли как-то ограничивать жизнеспособность (или, напротив, “сапиентные” гаплотипы – ее повышать). Селективный механизм мог быть не биологическим, а чисто социальным. Как известно, мтДНК передается только по женской линии. Отбор против неандертальских гаплотипов мтДНК (если таковой действительно происходил) – это отбор против неандертальских или метисных женщин или девочек. Когда популяция попадает в неблагоприятные условия

(неандертальцы вполне могли оказаться в таких условиях после появления сапиенсов), риск для разных полов неодинаков. Как известно из этнографии, при общем стрессе жертвами детоубийства и плохого ухода становились, как правило, девочки. Так развивалась ситуация для африканских рабов в Америке. Неизбежное в данных условиях вымирание искусственно компенсировалось тем, что среди ввозимых рабов значительно преобладали девочки. На кладбище невольников в Нью-Йорке среди детей до пяти лет девочек оказалось в 7 – 11 раз больше, чем мальчиков, тогда как среди взрослых погребенных преобладали мужчины [Howson et al., 2000].

Именно вымиранием неандертальских или метисных матрилиний при большей устойчивости мужской части местного населения можно, как представляется, объяснить тот факт, что по mtДНК современные европейцы не ближе к неандертальцам, чем иные человеческие группы [Krings et al., 1999], хотя по краиниологическим признакам выявляется другая картина (см. выше). В целом ассимиляция неандертальцев, как альтернатива их полному вымиранию, вполне вероятна, что отмечалось многократно, в т.ч. мною [Козинцев, 1994, 1997]. Это предположение вполне соответствует обоснованной Я.Я. Рогинским теории широкого моноцентризма.

Подобная ситуация имела место, например, на Японских островах, где вторгшиеся с Корейского полуострова земледельцы, носители культуры бронзового века яёй, постепенно оттесняли на север местных охотников и собирателей, носителей более отсталой неолитической культуры дзёмон, и частично ассимилировали их. Впоследствии южные группы аборигенов влились в формирующийся японский этнос (о чем свидетельствует изменчивость краиниологических признаков у японцев, см.: [Kozintsev, 1990]), тогда как северные, сопротивлявшиеся ассимиляции в течение многих веков, превратились в айнов и в конечном итоге оказались на грани исчезновения. Соответственно, в северных группах японцев дзёмонский антропологический субстрат не прослеживается.

На мой взгляд, “японская” модель как нельзя лучше годится для понимания ситуации в Европе в эпоху последнего оледенения. В самом деле, тут представлены все этапы процесса, подобного тому, который происходил на Японских островах. Имеются, в частности, неандертальцы с верхнепалеолитической культурой (Сен-Сезер, Арси-сюр-Кюр), более поздние сапиенсы с неандертальским субстратом, возможно, неоднородным по происхождению (примерами, на мой взгляд, служат Сунгирь, гоминиды из Моравии, Кро-Маньян III, Лагар Велью), сапиенсы, у которых такой субстрат пока не обнаружен (прочие верхнепалеолитические гоминиды Европы), и, наконец, по-

ледние неандертальцы, сохранившие мусьевскую культуру, оттесненные на периферию континента и, очевидно, вымершие там (Саффарайя).

М.Б. Медникова недоумевает по поводу использованного мною термина “верхнепалеолитические неандертальцы” и, насколько можно понять, приписывает мне абсурдную мысль о том, что сунгирцы – не сапиенсы [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 388]. Жаль, что в археологической главе новой монографии о Сунгире по существу не затронута проблема генетических связей. Если бы это было сделано, М.Б. Медникова убедилась бы в том, что принадлежность выросших на местной мусьевской основе верхнепалеолитических культур, близких к сунгирской, но более ранних (селец, шательперрон и др.), неандертальцам или их потомкам не вызывает сомнений практически ни у кого. Благодаря находке из Сен-Сезера это перестало быть гипотезой и стало фактом. Что касается обитателей Западной Европы, то спор идет лишь о том, усваивали ли аборигены культурные достижения пришельцев (так думает большинство специалистов) или же сами, независимо от ориньякцев, перешагнули культурный рубеж, отделяющий средний палеолит от верхнего. Но и то, и другое должно было способствовать и выживанию, и ассимиляции совершенно так же, как земледелие, заимствованное аборигенами Южной Японии у пришельцев с континента, способствовало тому, что местное население не было истреблено и образовало субстрат южных групп японцев. Аналогичным образом лошадь и огнестрельное оружие, заимствованные аборигенами Нового Света у европейцев, способствовали тому, что индейцы не были полностью уничтожены и составили часть американской нации.

Однако упомянутый спор затрагивает начало верхнего палеолита. Сравнительно поздние даты Сунгиря, как и принадлежность его обитателей к людям современного вида, в чем, конечно же, никто не сомневался, переводят вопрос в иную плоскость: существуют ли биологические свидетельства неандертальского субстрата в данной сапиентной группе, верхнепалеолитическая культура которой, по мнению археологов, явно и притом довольно поздно (судя по обилию пережиточных черт) выросла из мусье не очень отдаленных территорий, скорее всего, Южной России? Иными словами, соответствуют ли антропологические факты археологическим или же противоречат им? Если согласиться с М.Б. Медниковой, считающей единственными предками сунгирцев “кроманьонских мигрантов из тропических регионов”, – противоречат. Однако никаких способов разрешить созданное ею противоречие она не предлагает и даже вообще о нем не упоминает.

На мой взгляд, никакого противоречия нет. В свое время Е.Н. Хрисанфова, посвятившая образцовое по тщательности исследование посткраниальному скелету взрослого мужчины из Сунгиря, несомненного представителя вида *Homo sapiens*, обратила внимание на целый ряд особенностей (большей частью мелких), сближающих его с неандертальцами [Хрисанфова, 1980; Сунгирь..., 1984, с. 100 – 140; *Homo sungirensis...*, 2000, с. 193 – 215, 345 – 348]. Как следует из новой монографии, исследовательница не отказалась от своих выводов, которые она защищала на протяжении многих лет и которые представляются мне в высшей степени убедительными, и по-прежнему считает наиболее вероятным смешанное происхождение сунгирцев, хотя и допускает, что какие-то из этих черт могли возникнуть конвергентно [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 348].

Я предложил некоторую модель, помогающую понять, каким образом процессы аккультурации, метисации и отбора (климатического и полового) в условиях сосуществования аборигенов с пришельцами могли привести к наблюдаемому результату [Козинцев, 1994, 1997]. Эти построения вопреки тому, что пишет М.Б. Медникова [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 393], вовсе не означают признания “непосредственного происхождения сунгирцев от европейских неандертальцев”. Альтернатива “либо прямая преемственность, либо полное замещение” была приемлема в эпоху М. Буля и А. Хрдлички, но сегодняшнему уровню науки она не соответствует. Современная “широкая” версия теории мультирегиональной эволюции, по крайней мере в той части, которая касается Европы, почти не отличается от теории широкого монокентризма Я.Я. Рогинского [Wolpoff, Hawks, Caspari, 2000]. Кстати, еще до появления данных о mtДНК неандертальцев я писал о том, что считать ситуации типа сунгирской “серезным аргументом в пользу полицентризма как универсальной модели нет оснований. Все это были скорее всего поздние и слабые отголоски того уникального события, которое произошло гораздо раньше и в совершенно ином месте” [Козинцев, 1994, с. 15].

Предложенная мною модель – лишь одна из возможных. Она вполне может оказаться не адекватной реальности. Но М.Б. Медникова ее и не опровергает. Споря не столько со мной, сколько с Е.Н. Хрисанфовой, она пытается доказать отсутствие неандертальской специфики в строении сунгирского скелета.

В этой полемике очень важно отделить факты от гипотез. Повторяю, предложенная мной схема носит вполне гипотетический характер. Но факты, на которых она базируется, представляются мне твердо установленными. Каким же образом М.Б. Медникова трактует отмеченные Е.Н. Хрисанфовой черты? Она лишь ссылается на то, что аналогичные особенности

характерны для людей из Пршедмости. Можно добавить, что в еще большей степени пережиточно-неандертальские (именно неандертальские, а не просто “архаические”) черты присущи их черепам (см., напр.: [Howells, 1982]). Об очень вероятном неандертальском компоненте у этих сапиенсов специалисты писали неоднократно, привлекая серьезные аргументы. Скажу попутно, что используемый в обсуждаемой монографии для обозначения всех европейских верхнепалеолитических сапиенсов термин “кроманьонцы” вряд ли удачен. Как заметил М. Уолпоп, если бы эталоном верхнепалеолитической морфологии черепа был не Кро-Маньян, а, например, Младеч, вопрос о неандертальском компоненте у европейских сапиенсов предстал бы в совсем ином свете.

Впрочем, и в отношении Кро-Маньяна ясности нет. В.И. Кочеткова, исследовав эндокран индивидуума Кро-Маньян III, пришла к выводу, что по ряду особенностей строения мозга этот человек «представляет собой как бы прямого потомка “классических неандертальцев”» [1964, с. 127]. Те же признаки обнаружаются и у некоторых других верхнепалеолитических людей, в частности, из Моравии. Где и когда могли появиться эти черты? На Ближнем Востоке, будучи унаследованными у гоминид типа Схул-Кафзех (и тогда результат был бы совместим с идеей полного вытеснения европейских неандертальцев), или уже в Европе благодаря местному неандертальскому субстрату? Не вдаваясь в этот вопрос, замечу только, что, по данным В.И. Кочетковой, в единственном случае, когда гоминиды из Схула демонстрируют отличия от большинства европейских неандертальцев и сходство с современными людьми (по размерам среднего участка затылочной доли), Кро-Маньян III сближается не с гоминидами из Схула и современными людьми, а с неандертальцами Европы [1966, с. 480, рис. 7].

Е.Н. Хрисанфова пишет о “поразительном сходстве” сунгирца по некоторым мелким деталям посткраниальной анатомии с гоминидом Схул 4, но отмечает также параллели с неандертальцами и верхнепалеолитическими сапиенсами Европы [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 346, 348].

Следует учесть, что люди из Кро-Маньяна (и Младеч), в отличие от сунгирцев, были носителями пришлой (ориентальной) культуры. Но ведь и у гоминид группы Схул-Кафзех отмечаются неандертальские черты в строении черепа, тогда как для их посткраниального скелета эти черты менее типичны. Именно такое соотношение (обратное от сунгирского!) обнаруживается у людей из Младеч, Пршедмости и, возможно, у ранних ориентальцев из пещеры Фогельхерд [Churchill, Smith, 2000]. И археологические, и антропологические данные, похоже, свидетельствуют о том, что эти гоминиды действительно могли быть

прямymi потомками пришельцев с Ближнего Востока. Но вместе с тем, как показало изучение морфологических особенностей зубов ориньякцев и граветтийцев, в одонтологическом отношении эти люди обнаруживают не просто архаизм, а специфическое тяготение к европейским неандертальцам. По мнению исследователей, это указывает на гибридизацию [Coppa et al., 1999]. Как бы то ни было, ясно пока лишь одно: ситуация намного сложнее, чем это представляется сторонникам узкого моноцентризма.

Независимо от того, кто был источником неандертальского компонента – ранние мустерьцы Палестины или же поздние мустерьцы Европы (в разных верхнепалеолитических группах ситуация могла быть различной), в самом присутствии этого компонента у европейцев эпохи верхнего палеолита сомневаться, на мой взгляд, невозможно. Но тогда возникает вопрос: если неандертальские пережитки представляют собой в основном близневосточное наследие, то чем объяснить исчезновение этих черт в последующие эпохи? Существованием на территории Европы самостоятельного и очень позднего очага сапиентации? Тем, что эти большей частью мелкие и не связанные между собой особенности стали почему-то селективно невыгодны в условиях потепления климата? Ноным притоком сапиентного населения извне? Все эти предположения ничем не подтверждаются. Наиболее вероятным представляется постепенное исчезновение местного неандертальского субстрата в верхнепалеолитических и более поздних популяциях в ходе естественных демографических процессов. (Впрочем, при внимательном анализе незначительные следы этого субстрата выявляются и в поздние эпохи, о чем свидетельствуют краинометрические особенности близкого к современности населения Европы, особенно ее северо-западной части [Brace, Tracer, 1992].)

Но если так, то приходится предположить, что первые сапиенсы, принесшие в Европу ориньякскую культуру, отличались от близневосточных мустерьцев значительно более современным строением. Их облик нам пока не известен ни по близневосточным, ни по европейским материалам. Ранняя стадия ориньяка в Европе представлена по существу лишь крайне фрагментарными останками из Фогельхерда (см. выше), прочие сапиентные находки относятся к более позднему времени. Но даже самый ранний европейский ориньянек едва ли древнее 45 тыс. лет. Между тем средние даты Схула (по разным анализам) – 119 – 81 тыс. л.н., Кафзеха – 115 – 92 тыс. л.н. (сводку дат см.: [Kaufman, 2001]). Хронологический разрыв по крайней мере в 36 тыс. лет заставляет осторожно относиться к предположению о том, что первые ориньякцы в Европе были очень похожи на этих левантийских гоминид. И даже если принять самую позднюю, aberrantную, дату Схула (55 тыс. л.н.), то все равно

остается зазор как минимум в 10 тыс. лет, в течение которого процесс сапиентации мог завершиться за пределами Европы.

Мог он, впрочем, завершиться и гораздо раньше. Метисное сапиентно-неандертальское происхождение гоминид Схула и Кафзеха, в которых мы привыкли видеть “неготовых сапиенсов”, нельзя исключить [Thoma, 1957, 1958], даже и несмотря на ранние даты. Как верно замечает Е.Н. Хрисанфова, антропологические параллели между Сунгиром и Схулом (не распространяющиеся, кстати, на строение черепа, в отличие от того, что наблюдается в Младече и Прешедмости) вполне могут быть вторичными, вызванными метисационными процессами, происходившими в разное время и на разных территориях [Ното *sungirensis...*, 2000, с. 348]. Постулировать существование самостоятельного позднего очага сапиентации в Европе (а именно к этому вынуждает отрицание местного неандертальского субстрата) нет никакой надобности.

Поскольку вопрос о неандертальском субстрате не утратил актуальности и после появления данных о mtДНК, “мы вынуждены, – пишет М.Б. Медникова, – в самых общих чертах вернуться к обсуждению морфологии посткраниального скелета в связи с проблемами расселения и адаптации человека верхнего палеолита” [Там же, с. 387 – 388]. Но дело в том, что обсуждать эту морфологию “в самых общих чертах” после детальнейшего исследования Е.Н. Хрисанфовой вряд ли имеет смысл. Многомерный статистический анализ, предпринятый М.Б. Медниковой и опровергающий, по ее мнению, идею неандерталоидных пережитков, относится не к множеству сравнительно мелких и едва ли существенных для биологической адаптации черт сходства, которые выявила Е.Н. Хрисанфова, а к общим размерам длинных костей. На базе этого анализа трудно сделать какие-либо выводы эволюционного, адаптационного или какого-либо иного характера. В самом деле, ни по первой главной компоненте, отражающей общую длину конечностей, ни по второй, характеризующей длину ключицы, неандертальцы не противостоят верхнепалеолитическим сапиенсам. Пропорции, по которым различаются обе группы гоминид, не отразились ни на одном из двух векторов изменчивости.

Причина столь странного результата состоит, насколько я понимаю, в том, что использован метод главных компонент, применение которого на межгрупповом уровне недопустимо, когда признаки связаны внутригрупповой корреляцией. Обойти эту трудность при изучении единичных находок можно, если использовать канонический анализ со стандартной корреляционной матрицей. Даже сравнение простых индексов было бы полезнее. В данном же случае находки проанализированы так, как если бы все они принадлежа-

ли к одной группе. Поэтому межгрупповые связи признаков не отделены от внутригрупповых. Полученный результат, естественно, не отражает реальную межгрупповую изменчивость и не может способствовать разрешению спора, поскольку все участники, независимо от их позиции, признают отличие сапиенсов от неандертальцев. Вопрос о родственных связях сунгирцев, а также более общую проблему преемственности (или отсутствия таковой) между гоминидами среднего и верхнего палеолита трудно обсуждать на базе анализа, не выявляющего различий между обеими группами.

Вместо того чтобы признать очевидное и попытаться выбрать информативные признаки и адекватный статистический метод, М.Б. Медникова переходит к обсуждению вопроса о причинах морфологической изменчивости в верхнем палеолите. Вывод: гриимальдицы (Барма Гранде, Гrot Детей) и люди верхнего палеолита Моравии (Пршедмости) – представители высокогорного адаптивного типа. А поскольку морфотип сунгирца – переходный от высокогорного к арктическому, предки обитателей бассейна р. Клязьмы, надо полагать, “обитали на значительной высоте над уровнем моря”, ведь “с гористым ландшафтом связано и расселение близневосточных гоминид (например, гора Кармель – обиталище гоминид группы Схул)” [Там же, с. 393].

Слова “гора”, “гористый”, видимо, навели автора на ложный след. Высота горы Кармель – 546 м над ур. м. Схул находится на отметке 45 м над ур. м., Кафзех – 220 м над ур. м. В Палестине вообще нет высокогорных районов. Ривьера и Моравия также не относятся к местам, где могли бы выработать адаптации к гипоксии. В горных областях, как указывает А.А. Величко [1997, с. 261], гоминиды заселяли преимущественно низкогорные, т.е. благоприятные для обитания участки.

Единственный вывод, который можно сделать на основании всего этого, – теорию адаптивных типов следует применять с осторожностью, если дело касается ископаемого материала. Предположения относительно связи габитуса сунгирцев с их жизненной стратегией, физической активностью, питанием, климатом, болезнями и т.д., несомненно, интересны с точки зрения биологической адаптации, но в качестве жизнеспособной альтернативы идеи неандертальского наследия в антропологическом комплексе сунгирцев они рассматриваться не могут.

Возникает интересный парадокс более общего характера. Еще сравнительно недавно моноцентристы предпочитали говорить не об адаптации, а о филогении, тогда как для полицеントристов, особенно американских, адаптационизм был испытанным средством, помогавшим справиться с любыми затруднениями. Чем только не объясняли краниологические отличия сапиенсов от неандертальцев – и климатом,

и характером трудовой деятельности, и даже речью – все это ради того, чтобы вопреки очевидности считать первых непосредственными потомками вторых. Утверждать такое в наши дни невозможно. Однако, как ни удивительно, практически та же логика теперь взята на вооружение сторонниками моноцентризма в его крайней, максимально узкой версии.

Каким же образом один и тот же ход рассуждений приводит к диаметрально противоположным выводам? Оказывается, все зависит от того, к каким признакам мы применяем адаптационистскую логику. Если полицеентристы утверждали, что различия между сапиенсами и неандертальцами обусловлены средовыми факторами и не противоречат идеи происхождения первых от вторых, то приверженцы узкого моноцентризма стремятся доказать, что антропологические параллели между некоторыми сапиенсами и неандертальцами вызваны влиянием среды и не противоречат идеи полного вытеснения вторых первыми без всякой метисации: В обоих случаях человеческая морфология в сущности признается бесконечно пластичной.

Так или иначе, неандертальская специфика, выявленная и в материалах Сунгиря, и в некоторых других сапиентных верхнепалеолитических популяциях Европы, пока не получила сколько-нибудь убедительной трактовки с точки зрения гипотезы адаптации. Пока факты в пользу данной гипотезы не будут представлены, придется принять более простое и более правдоподобное объяснение.

Экологический подход, вскрывающий механизмы биологической изменчивости, традиционно считается и интереснее, и современнее, чем подход, позволяющий всего лишь реконструировать родственные связи групп на основании признаков, адаптивное значение которых неясно, а быть может, и вовсе отсутствует. Видимо, настало время признать, что у каждого из двух подходов своя область применения. Перспективность палеоэкологических исследований несомненна. В какой мере они могут помочь в реконструкции истории, а не только биологии, ископаемых гоминид – покажет будущее.

Список литературы

Бадер О.Н. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.

Величко А.А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы эволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Землю. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 255 – 275.

Козинцев А.Г. Связи между коллективами позднеплейстоценовых гоминид: Полицеентризм и моноцентризм на современном этапе // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). – СПб.: Б.и., 1994. – С. 8 – 19.

- Козинцев А.Г.** Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: Эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 109 – 114.
- Кочеткова В.И.** Муляж мозговой полости ископаемого человека Кро-Маньон III // Современная антропология. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С. 111 – 135.
- Кочеткова В.И.** Сравнительная характеристика эндокранов гоминид в палеоневрологическом аспекте // Ископаемые гоминиды и происхождение человека // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – 1966. – Т. 92. – С. 457 – 496.
- Рогинский Я.Я.** Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. – М.: Изд-во МГУ, 1949. – 155 с.
- Симмонс Т.** Позднеплейстоценовые зоны контакта в Леванте и Северной Африке // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 85 – 96.
- Сунгирь:** Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.
- Хрисанфова Е.Н.** Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгирия // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 40 – 68.
- Brace C.L., Tracer D.P.** Craniofacial continuity and change: A comparison of Late Pleistocene and recent Europe and Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokuseisha, 1992. – P. 439 – 471.
- Bräuer G.** The evolution of modern humans: A comparison of the African and non-African evidence // The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 123 – 154.
- Bräuer G.** The “Out-of-Africa” model and the question of regional continuity // Humanity from African Naissance to Coming Millennia / Eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G.A. Doyle. – Firenze: Firenze University Press, 2001. – P. 183 – 189.
- Churchill S.E., Smith F.H.** A modern human humerus from the early Aurignacian of Vogelherdhöhle (Stetten, Germany) // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 112, N 2. – P. 251 – 273.
- Coppa A., Cucina A., Lucci M., Vargiu R.** The Pavlov/Dolni Vestonice human remains in the context of the European Pleistocene populations // IV International Anthropological Congress of Aleš Hrdlička. Abstracts. – Prague, 1999. – P. 32.
- Homo sungirensis:** Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Научный мир, 2000. – 460 с.
- Howells W.W.** Modern and Late Pleistocene cranial profiles // Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. – 1982. – Sér. 13. – T. 9, N 4. – P. 333 – 337.
- Howson J.E., Goode-Null S.K., Blakey M.L., Brown E.L., Rankin-Hill L.M.** Political economy of forced migration and sex ratio (abstract) // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Supplement 30. – P. 184.
- Kaufman D.** Comparisons and the case for interaction among Neanderthals and early modern humans in the Levant // Oxford Journal of Archaeology. – 2001. – Vol. 20, N 3. – P. 219 – 240.
- Kozintsev A.G.** Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: Cranioscopic data // Journal of the Anthropological Society of Nippon. – 1990. – Vol. 98, N 3. – P. 247 – 267.
- Krings M., Geisert H., Schmitz R.W., Krainitzki H., Pääbo S.** DNA sequence of the mitochondrial hypervariable region II from the Neandertal type specimen. – Proceedings of the National Academy of Sciences of USA, 1999. – Vol. 96. – P. 5581 – 5585.
- Krings M., Capelli C., Tschentscher F., Geisert H., Meyer S., von Haseler F., Grossschmidt K., Possnert G., Paunovic M., Pääbo S.** A view of Neandertal genetic diversity // Nature Genetics. – 2000. – Vol. 26, N 2. – P. 144 – 146.
- Relethford J.H.** Absence of regional affinities of Neandertal DNA with living humans does not reject multiregional evolution // American Journal of Physical Anthropology. – 2001. – Vol. 115, N 1. – P. 95 – 98.
- Thoma A.** Métissage ou transformation? // L'Anthropologie. – 1957. – T. 61. – P. 470 – 502; 1958. – T. 62. – P. 30 – 52.
- Wolpoff M.H., Hawks J., Caspari R.** Multiregional, not multiple origins // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 112, N 1. – P. 129 – 136.

Материал поступил в редакцию 18.11.02 г.